Нечто из Норт Ривер

Автор:
Кристиан Винд

Нечто из Норт Ривер

Кристиан Роберт Винд

Мрачная вселенная Фрэнка Миллера #1

Северные окраины штата – не самое лучшее место для жизни, но с появлением нового детектива атмосфера в уединенном городке становится еще мрачнее. Зачем Фрэнк Миллер прибыл в Норт Ривер? Что он знает о растерзанных коровьих тушах на ферме и почему не спешит делиться информацией с местными копами, оберегая свои тайны? Наконец, как все эти события связаны с исчезновением двух подростков из местной школы? И что вообще происходит в этом ледяном аду?

Нечто из Норт Ривер

Каждый раз, когда на город опускается снежная буря и мир вокруг охватывает ледяная мгла, я невольно вспоминаю лицо Фрэнка. Оно предстает перед моим внутренним взором так отчетливо и ясно, словно не было этих трех десятилетий… Как будто мы расстались только вчера.

Но затем ко мне приходит запоздалое осознание того, что Фрэнк уже больше никогда не вернется. Пусть его тело так и не нашли, но я ощущал всем своим нутром, что в ту февральскую ночь моего напарника не стало. Я прочесывал каждую милю проклятого заснеженного леса и раз за разом изучал каждый дюйм застывшей глубоководной реки, но никаких следов детектива отыскать так и не сумел. Он словно бесследно растворился в кромешной тьме зимней ночи.

И тогда, зябко укутываясь в шерстяной плед, такой же старый и потрепанный, как и я сам, я начинаю изо всех сил прислушиваться к безмолвной тишине, царящей вокруг моего дома. Тогда, преодолевая тихий стук собственного изношенного сердца, мой слух наконец-то улавливает странные отзвуки в этом царствии снега и холода. Да, я могу поклясться, что в эти ночные мгновения до меня доносится едва различимый шепот Фрэнка. Будто он старается передать мне какое-то важное послание, преодолевая немыслимые расстояния, отсылая обрывки фраз сквозь пелену небытия.

«…Мертвые могут говорить, Дэнни… Мертвые никогда не лгут» – звучит далекое, но настойчивое эхо в моей голове.

И я до сих пор не знаю, в самом ли деле до меня долетают эти зыбкие потусторонние послания, или же старость играет с моим рассудком злую шутку, выдавая желаемое за действительное.

Оставаясь часами в холодном отсыревшем кресле и вглядываясь в ночной сумрак за стеклами пустого дома, мне только и остается, что гадать и терзаться мучительными предчувствиями.

Но я утешаю себя одной вещью – куда бы ни канул тридцать лет назад Фрэнк, он наверняка отыскал Мэри. И он позаботится о ней там, где они оба сейчас находятся. Фрэнк присмотрит за моей несчастной малышкой, а затем и я сам присоединюсь к ним обоим…

Да, я все чаще ощущаю это – вижу и чувствую ссохшейся кожей, как неумолимо движется время. Оно уносится прочь, вытекая из кончиков моих трясущихся пальцев, просачиваясь наружу через морщинистые, обезвоженные губы. Оно стремится покинуть меня, убежать из этого дряхлеющего сосуда. И когда последняя его капля испарится над холодным спящим городом, я отправлюсь в свой последний путь…

Если Фрэнк и научил меня чему-то за те несколько месяцев, что мы провели с ним бок о бок, то это не бояться смерти. Он всегда твердил мне, что жизнь – всего лишь мимолетная искра на вселенском временном полотне, и что одно забвение, следующее по пятам за смертью, может считаться бесконечностью. Кажется, теперь я в самом деле начинаю понимать, что он имел ввиду.

Я лишь всей душой хочу верить в то, что тот пережитый ужас, с которым нам пришлось столкнуться лицом к лицу много лет назад, больше никогда не повторится. И я надеюсь, что на просторах этих заснеженных земель впредь не прольется столько невинной человеческой крови.

Пусть я давно перестал искать ответы на свои вопросы, устав от напрасных терзаний, я все же знаю, что жертва Фрэнка была не напрасной. Я чувствую…

Дэниел Косгроу, 24 февраля 2011 г.

Глава 1. Дэниел Косгроу

Этот месяц начался настолько паршиво, что мне страшно представить, как он может закончиться. Сегодня днем мы устроили прощальную вечеринку в полицейском участке для Боба…

Поверить не могу! Боб, Боб Шеффилд, с которым мы вместе проработали больше пятнадцати лет!.. И вот теперь я остался один.

Я столько всего могу вспомнить из нашего прошлого. За эти годы Боб успел стать для меня настоящим другом и наставником. Незаменимым человеком в моей жизни. И сейчас, в этот самый день, мой напарник уходит на пенсию. А затем покидает наш холодный северный городок навсегда…

Что я чувствую в эти мгновения? Разве это можно описать словами? Потерять близкого человека невыносимо больно и обидно.

Я уговаривал Боба как мог, стараясь внушить ему, что остаток жизни лучше всего провести в родных краях, где все вокруг тебя любят, ценят и уважают. Но он не стал слушать меня… Он так долго мечтал об этом чертовом домике на побережье, в месте, где солнце светит круглый год, а чайки громко кричат, летая высоко в белоснежных облаках.

Я не могу винить его за то, что он сделал такой выбор. В конце концов, Боб и без того потратил на этот ледяной городок слишком много времени. Теперь, когда он выполнил свой долг, он может жить только для себя…

Пройдет каких-то лет пять, и я тоже покину свой пост в участке. И я представить не могу, что тогда взбредет в мою голову. Может быть, я точно так же решу сбежать куда-то, где шумит теплый океан, прихватив с собой Анну и Мэри. Если на то пошло, Анна давно мечтает об этом, а малышка с таким восторгом разглядывает далекие солнечные пейзажи на открытках, которые мне присылает сестра…

Но, черт возьми, как же было больно прощаться и глядеть в глаза человеку, лицо которого ты видел пятнадцать лет своей жизни! На плечо которого ты всегда был готов положиться. Человеку, которого успел полюбить как родного старшего брата…

Вечером я вернулся домой в таком отвратительном настроении, что Анна сразу же поспешила утешить меня в своих объятиях. Она уложила Мэри спать наверху и спустилась в гостиную, усевшись мне на колени и положив голову на мою на грудь. Но даже теплота ее тела и ласковые слова не сумели взбодрить меня, так что я извинился перед ней и сел за руль, чтобы отправиться к Хейли на стаканчик любимого рома…

Все в этот вечер казалось мне таким бессмысленным, утратившим прежние краски. Сколько раз мы с Бобом заглядывали сюда после особенно суетливых дней, чтобы немного расслабиться перед тем, как вернуться домой. Но сейчас здесь не было ни моего бывшего напарника, ни былой веселой суеты.

Я знаю, что в жизни необходимо приспосабливаться к любым переменам и уметь брать под контроль свои чувства, но именно в сегодняшний вечер мне это удавалось хуже всего. Норт Ривер как будто опустел с отъездом Боба… Казалось, что еще вчера город выглядел совсем иначе. Даже снег на ветвях блестел ярче, переливаясь серебристым сиянием.

Когда я вернулся, Анна уже спала, укутавшись в одеяло по самый подбородок. Я не стал ее будить, тихо разделся, принял душ и залез к ней в постель, прижавшись к ее горячей обнаженной спине всем телом и сжав в ладони маленькую мягкую грудь.

Глядя через ее неподвижное плечо в темное окно спальни, я хорошо осознавал, что с сегодняшнего дня моя жизнь круто изменилась и больше никогда уже не станет прежней.

* * *

Я ошибался, когда полагал, что хуже стать уже просто не может. Утром в участке меня встретило не на шутку удивленное лицо Кейт Робертсон. Она знаками показывала на дверь капитана полиции, давая понять, что там происходит что-то серьезное.

– Что случилось, Кетти? – поинтересовался я, ненароком подглядывая в узкую щелку, оставшуюся между дверью и деревянным косяком.

– К нам приехал детектив, мистер Косгроу. Он сейчас как раз в кабинете у мистера Ллойда, – она понизила голос. – Говорят, это ваш новый напарник.

– Что? Так скоро? – опешил я.

– Да, мистер Косгроу, я тоже была удивлена, – секретарша сделала круглые глаза в знак подтверждения своих слов.

– Зачем Нейтону понадобилось срочно вызывать кого-то на замену Бобу, – протянул я. – И сколько раз я просил тебя называть меня просто Дэниелом, Кетти?

– Мистер Ллойд никого не вызывал, детектив сам приехал сегодня утром.

– Сам? – недоверчиво переспросил я.

Девушка согласно кивнула, молча тряхнув копной золотистых волос.

Я впервые слышал о том, чтобы в участок Норт Ривер кто-то рвался прибыть по своему собственному желанию. Обыкновенно для приезжих полицейских это место становилось ледяным адом – никого не грела мысль о том, что придется обитать в городке, где плюсовая температура бывает всего несколько месяцев в

году.

Для любого человека издалека наше поселение казалось ссылкой и изгнанием. Нередко полицейские и вовсе отказывались переезжать сюда, нарушая устав и ставя под угрозу карьеру детектива… Одним словом, в Норт Ривер никто и никогда не рвался.

До этого дня.

– Ты его видела? – тихо спросил я, подойдя поближе к двери капитана полиции.

В кабинете Нейтона Ллойда кто-то тихо бубнил монотонным голосом. Разобрать отдельные слова не представлялось возможным. Должно быть, сейчас капитан старался убедить новоприбывшего в том, что он стоит на пороге роковой ошибки.

– Видела, – прошептала секретарша. – Он молодой и очень даже симпатичный.

Я бросил на нее укоряющий взгляд. Кейт находилась именно в том нежном возрасте, когда в жизни женщины преследуется лишь одна-единственная цель – нравиться всем без исключения мужчинам, особенно тем, кто потенциально годится в мужья.

С кавалерами в Норт Ривер всегда было негусто, так что молодые девушки не слишком здесь избалованы мужским вниманием. И я мог поклясться, что за время, пока я отирался у двери Нейтона, макияж на лице Робертсон стал еще ярче.

– Лучше тебе не питать напрасных надежд, Кетти, – осадил я ее. – Думаю, наш новенький отправится восвояси.

– Это вряд ли, – возразила девушка, поправляя пышную прическу.

– Почему же?

– Он прибыл из столицы. Представляете, мистер Косгроу? Впервые за всю свою жизнь я вижу такое, – с восторгом тараторила она. – Не думаю, что мистер

Ллойд отпустит столичного детектива, раз уж тот сам приехал в Норт Ривер.

Кейт бросила быстрый взгляд в небольшое зеркальце, зажатое в ее хрупкой ладошке, после чего удовлетворенно улыбнулась собственному отражению и спрятала аксессуар обратно в нагрудный карман пиджака.

Я вздохнул. Если это правда, то Нейтон в самом деле ни за что не упустит возможность завладеть таким ценным сотрудником. Хотя я даже вообразить себе не мог, чем ему мог приглянуться наш захолустный городок.

Все это казалось очень странным.

Пока я напряженно вслушивался в голоса, звучащие за неплотно прикрытыми дверьми, молодая секретарша не теряла времени даром и продолжала усиленно приводить себя в порядок, беспрестанно взбивая светлые кудри и подкрашивая пухлые губки темно-розовой помадой.

Я знал, что многие в Норт Ривер были без ума от ее миловидного круглого личика и изящной тонкой фигурки – даже Нейтон ненароком заглядывался на Робертсон, когда та крутилась у его стола, звонким голоском сообщая последние новости.

Однако сердце Кетти все еще оставалось свободным – она наивно грезила о прекрасном принце и большом доме в теплых краях, где в ветвях плодовых деревьев щебечут пестрые птицы. Ее семья перебралась сюда, когда девушке едва стукнуло тринадцать – я фактически наблюдал за тем, как из угловатого худенького ребенка она превратилась в привлекательную юную девушку. Сейчас ей был двадцать один год – прекрасное время в жизни женщины, которое принято вспоминать с особенной теплотой в старости, сидя у камина и разглядывая пыльные фотокарточки…

Внезапный телефонный звонок, грянувший как гром посреди тихого холла, заставил меня вернуться в реальность. Робертсон невольно вздрогнула, быстро спрятала губную помаду в ящик своего стола, деловито откашлялась и подняла трубку:

– Доброе утро. Вы позвонили в полицейский участок… Хейли! Как я рада тебя слышать! Ну, как вчера прошло?

Кейт радостно щебетала в трубку, накручивая черный провод на длинный тонкий пальчик. Она прекрасно знала, что Нейтон Ллойд запрещает использовать единственный телефон в участке для личных разговоров, но за наивную красоту секретарше сходили с рук все ее детские забавы.

Наконец, дверь кабинета распахнулась, и на пороге обрисовалась фигура капитана полиции. Он выглядел немного возбужденным и крайне довольным собой. Следом из-за двери выскользнул худощавый темноволосый мужчина. На вид ему было не более тридцати, а в движениях тела и осанке все еще сохранилась и отчетливо читалась мальчишеская сноровка.

Бросив на Робертсон скользящий взгляд, он открыто ей улыбнулся, отчего девушка громко захихикала и тут же зарделась.

– Косгроу… – немного растерянно протянул капитан Нейтон, подойдя поближе. – Рад представить вашего нового напарника. Это детектив Фрэнк Миллер.

Я без особого энтузиазма пожал протянутую мне худощавую ладонь. Новоприбывший окинул меня изучающим взглядом, после чего замер на месте, словно чего-то ожидая. Ллойд напряженно кашлянул, сделав одной рукой приглашающий жест.

– Ах да… Прошу простить мою невоспитанность, – холодно проговорил я. – Я только вчера попрощался со своим напарником, и никак не ожидал обрести ему замену так скоро… Дэниел Косгроу.

– Ничего страшного, офицер, – Миллер дружелюбно подмигнул. – Уверен, я скрашу вашу тоску. Кроме того, мистер Ллойд предлагает не откладывать знакомство с вашим чудесным городом в долгий ящик, а советует осмотреть окрестности прямо сейчас.

Нейтон покосился в мою сторону поверх головы новоприбывшего детектива, без слов призывая проявить радушный прием и порадоваться прибытию столь неожиданного, но весьма уместного гостя.

Я тихо выдохнул, понимая, что в этот самый момент моя жизнь покатилась по совершенно иному пути…

В патрульной машине первые несколько минут Фрэнк Миллер хранил молчание, с интересом оглядывая унылые мерзлые улицы за окном. Я обогнул главную аллею и свернул к автостоянке, где обыкновенно толклась кучка местных старшеклассников и за которыми я приглядывал с поручения капитана. Но в такую рань занятия в Эйри Вэй еще только-только начались, а потому школьники были заняты совсем другими делами.

– Не слишком-то тут жизнерадостно, да? – внезапно проговорил молодой детектив.

– Вы ждали чего-то другого? – равнодушно обронил я.

– Давай не будем придерживаться этих унылых правил и будем называть друг друга по имени. В конце концов, мы же теперь напарники.

Я промолчал.

Меньше всего мне бы хотелось сейчас заводить дружеские отношения, да и настроение для этого у меня было самое неподходящее.

Детектив держался непринужденно и со спокойным лицом оглядывал пейзаж, расстилающийся за стеклами автомобиля. Чтобы завуалировать неловкое молчание, я включил радио, и в салоне заиграла тихая музыка, изредка прерываемая эфирным шипением.

– Сколько сейчас градусов?

– Минус десять по Цельсию, – ответил я.

– В такой мороз река уже полностью замерзает? – неожиданно поинтересовался детектив.

– В общем, да… А почему тебя это заботит?

– Хотелось бы глянуть на нее, – попросил он, кивнув в сторону обледенелой набережной. – Я читал кое-что о Норт Ривер. Городок стоит на реке вот уже

несколько столетий, сюда в основном никто не приезжает, а потому численность населения фактически не меняется с годами…

– Чем же тебя так привлек наш город?

Он загадочно сверкнул серыми глазами и сделал радио погромче:

– Скажем так: я устал от шума и грязи столицы. Так что решил не упускать возможности перебраться сюда, когда узнал, что Норт Ривер обеднел на одного полицейского.

Остаток пути мы провели в напряженном молчании, вслушиваясь в глупые слова песен, чередующихся в радиоэфире. Фрэнк Миллер изучал взглядом окрестности города, время от времени делая какие-то пометки в своем маленьком коричневом блокноте.

Я же был всецело поглощен тягостными размышлениями о собственной судьбе. Еще недавно это место занимал Боб, который обыкновенно половину дороги тихо похрапывал на переднем сидении, сложив руки на топорщащемся из-под теплого пальто животе. Вторую же часть пути мы вместе вторили завываниям радио, наизусть зазубрив едва ли не все тексты песен…

* * *

Анна не выносила, когда я подолгу находился в подавленном настроении, а потому в это утро она подловила меня на выходе из ванной комнаты. Обхватив мою шею руками, Анна потянула меня за собой обратно в постель, целуя мои свежевыбритые щеки, которые все еще пощипывал холодком спиртосодержащий лосьон.

– Никуда ты не пойдешь, пока мы с тобой как следует не поваляемся в кровати, – прошептала она мне на ухо.

– Это сейчас так принято называть? – притворно удивившись, поинтересовался я.

– Прекрати, Дэнни, – игриво протянула она, на ходу скидывая с себя тонкий халат. – Я читала в газете, что утренний секс очень продуктивно влияет на

деятельность мужского мозга…

– Но я у тебя и без того очень умный, – парировал я, охотно поддаваясь ее ласкам.

Мы мягко упали в не застеленную кровать, и Анна тут же взобралась на меня сверху, стаскивая одной рукой пижамные брюки вниз. Я схватил ее за талию и притянул поближе к себе, отчего ее острые соски вмялись в мою кожу.

Она ловко двинула бедрами, и я почувствовал, как легко проскользнул внутрь нее. А затем она часто задышала, двигаясь все быстрее.

Взяв в ладонь ее небольшую упругую грудь, я подтянул ее немного выше и обхватил затвердевший темно-розовый сосок губами. Извиваясь и тихо постанывая, Анна подпрыгивала вверх и вниз, стараясь как можно сильнее вдавить свои ягодицы в мои бедра… Спустя несколько мгновений мы оба уже лежали спиной на простынях, переводя дыхание.

– Ну вот, – театрально проворчал я. – Теперь снова придется идти в душ.

Анна вскочила с постели и отвесила мне легкий шлепок, после чего вновь накинула на плечи халат:

– Я приготовлю тебе кофе. Разбуди пока Мэри.

Я кивнул и поднялся на ноги, быстро обмылся под прохладным душем и вышел из спальни в коридор второго этажа. За окнами все еще царил легкий полумрак. Норт Ривер спокойно дремал под своим извечным снежным покрывалом.

Мне нравилась комната дочери – мы все вместе украшали ее рисунками и обклеивали мебель цветными стикерами. В итоге стены детской превратились в небольшой музей, а на многочисленных полках и открытых стеллажах Мэри хранила все свои поделки, слепленные из пластилина фигурки и аппликации из цветного картона, аккуратно уложенные в стопки.

Я протянул к ней руку и потрепал за теплую розовую щечку:

– Пора просыпаться, сонная королева! Скоро приедет школьный автобус.

Мэри распахнула зеленые глаза и посмотрела на меня с немым укором:

– Можно мне сегодня прогулять занятия, пап? Я же целый месяц ходила на все уроки!..

Она сладко зевнула и потянулась, повернувшись на другой бок и вновь прикрыв веки.

Иногда я позволял ей остаться дома, если Анна уезжала на работу раньше. Но сегодня я решил не делать девочке никаких поблажек и лишь развел руками в стороны:

– Ничего не поделать, Мэри! Мама сегодня остается на страже и уж точно не позволит тебе пропускать школу. Иначе перепадет на обоим, и наш секретный заговор раскроется.

Внизу меня уже ждал свежезаваренный кофе и завтрак, но есть я не стал – опустошил чашку на ходу, поцеловал Анну в переносицу и вышел из дома под холодные порывы декабрьского ветра.

Аллея встретила меня унылым сиянием бледных фонарей и утренней тишиной. В этом месте почти всегда было очень тихо. Только иногда, в особо теплые и погожие деньки, Мэри выбиралась из дома на лужайку у забора, чтобы поездить на велосипеде, и тогда сонную округу тревожил звонкий металлический звук ее колокольчика.

Сегодня был первый официальный рабочий день с моим новым напарником. Втайне я надеялся, что после долгого пути он проспит и явится в участок позже, когда я уже буду в патрульной машине.

Однако Фрэнк Миллер не только не опоздал, но и явился раньше меня. Когда я вошел в узкий холл двухэтажного здания и поприветствовал Кетти, он уже нетерпеливо топтался возле моего стола.

Молодая секретарша то и дело бросала на новенького стыдливые взгляды, смущенно улыбаясь, когда детектив встречался с ней глазами.

– Доброе утро, Дэниел, – он протянул мне свою холодную руку, и я не слишком охотно ее пожал. – Хорошо, что ты наконец приехал. Кейт сообщила мне о странном звонке с какой-то дальней фермы… Здорово, что наш первый день начнется с задания, верно?

Он подмигнул мне, и я заметил, как заискрились его свинцово-серые глаза.

Дверь в кабинет капитана Ллойда еще была заперта – очевидно, начальник полиции не спешил на работу в такое холодное серое утро. А я так желал побеседовать с ним с глазу на глаз перед тем, как явится Миллер, чтобы хотя бы немного разузнать об этом странном человеке, внезапно свалившемся нам на голову.

– Не то слово, – сухо ответил я. – Кетти, что там стряслось?

– Даже не знаю, мистер Косгроу… – девушка бросила полный смущения взгляд на внимательно прислушивающегося к ее словам детектива и зачем-то поправила прическу. – Около часа назад позвонила уборщица из дома Колина Фостера. Она была чем-то встревожена, и я почти ничего не смогла от нее добиться, она говорила очень быстро. Все, что я поняла – это то, что она просила вас приехать на ферму, мистер Косгроу…

– Думаю, Фостер опять хватил лишнего с алкоголем, – между делом оборонил я, пристегивая на пояс кобуру.

– Сомневаюсь, мистер Косгроу. Насколько я поняла, Колина не было на ферме, и уборщица находилась там одна.

Колину Фостеру было немногим больше двадцати пяти лет, и он владел единственной автомобильной заправкой в городке. Она досталась ему в наследство после скоропостижной кончины родного отца, ровно как и огромные фермерские угодья, растянувшиеся на северо-востоке Норт Ривер.

Большую часть времени Фостер проводил на заправке, потягивая пиво, и почти не занимался своей фермой. Поэтому земля успела прийти в полный упадок и перестала приносить доход. Все, что осталось от богатств его умершего старика – это несколько десятков коров и пустые, насквозь промерзшие угодья. И еще, пожалуй, покрытые толстым слоем инея рваные обрывки потемневшей пленки, некогда служившей крышей для теплиц.

Я не слишком хорошо знал младшего Фостера и редко пересекался с ним в городке. Если не брать во внимание тех нескольких случаев, когда его приводили в участок в нетрезвом состоянии. Колин обожал садиться за руль после нескольких бутылок пива или пары-тройки бокалов виски.

– Хорошо, Кетти, мы съездим и проверим, что там произошло, – произнес я.

Холодное солнце, окутанное каскадом низких туч, уже взобралось на крыши ближайших домов, когда мы с Фрэнком Миллером вышли из полицейского участка. До фермы Фостера было не менее получаса пути – мертвые земельные угодья раскинулись на самой окраине Норт Ривер, куда местные заглядывали крайне редко.

– А Кейт Робертсон вроде ничего, – обронил Миллер, когда мы уже двигались вперед по заснеженной дороге.

– Она еще ребенок, – ответил я. – К тому же, ты не единственный в городе, кому она приглянулась.

Детектив хмыкнул и повернул ко мне свое худое, вытянутое лицо:

– А вы здесь не слишком-то рады гостям, верно? Суровый климат накладывает неизгладимый отпечаток на характер людей.

– Может быть, – я не стал спорить. – Но к этому нужно быть готовым, если покидаешь теплый мегаполис и отправляешься к черту на рога.

– На самом деле, даже в этом ледяном городишке есть свое очарование, – задумчиво протянул Фрэнк, глядя куда-то вдаль. – Местные жители похожи на заброшенную цивилизацию, скрывающуюся за снежной пеленой… Хотя не стану

спорить с тем, что здесь и правда немного мрачновато.

– Тогда зачем ты приехал в Норт Ривер?

Он окатил меня снисходительным взглядом и шумно вздохнул:

– Иногда у тебя не остается выбора. Судьба – такая заковыристая штука, Дэниел. И очень грубая.

– Что ты хочешь сказать? – я совершенно ничего не понял из его пространной реплики.

– Мир меняется, офицер Косгроу. И не все перемены ведут нас к лучшему.

– Я ни черта не понимаю из того, что ты говоришь, – произнес я, сворачивая на проселочное шоссе.

По обе стороны дороги потянулись захиревшие редкие деревья, давным-давно брошенные Фостером на произвол судьбы. Огромная ферма выглядела бы совсем запустевшей и безлюдной, если бы в паре низких построек не мерцал желтоватый свет.

– Я тоже когда-то не понимал. Но когда ты видишь некоторые вещи… Вещи, которые недоступны многим людям, то волей-неволей начинаешь мыслить и воспринимать все иначе.

– Знаешь, ты слишком странный для этого места, – проговорил я, сбавляя ход и притормаживая у большого сарая с распахнутыми дверями.

Я вышел из автомобиля и огляделся. На ферме было тихо – не считая надрывного мычания коровы, доносящегося откуда-то из недр полуразвалившейся постройки. Фрэнк резво выпрыгнул из машины вслед за мной и зачем-то с интересом потопал подошвой ботинка по промерзлому грунту, как будто проверяя его на прочность.

– Будем искать звонившую в участок уборщицу? – спросил он на ходу, вспахивая рыхлый снег носками ботинок и следуя к ближайшей постройке.

– Это может занять несколько часов, – возразил я. – Ферма огромная и практически пустая. Лучше осмотрим сперва подсобные помещения.

Он кивнул, и мы вместе проследовали к одному из незапертых сараев, где Колин держал оставшийся скот. Я несколько раз обошел помещение, но не заметил ничего необычного – пара коров мирно дремала на подстилке из свежего сена, уложив массивные головы на сухую траву.

– Дэниел!.. Дэниел, это ты?

Я обернулся на звуки встревоженного голоса и обнаружил в дверном проеме низкую и полноватую фигуру.

Молли бросилась нам навстречу, широко расставив руки в стороны, как будто желала обнять нас обоих разом.

– Как хорошо, что ты приехал, Дэниел…

Старушка нервно выдохнула и вдруг замерла на месте, заметив новое лицо. Она недоверчиво покосилась на Фрэнка Миллера, но затем волнение снова одержало верх, и уборщица затараторила, то и дело срываясь на всхлипы:

– Я так испугалась, Дэниел… Никогда такого не видела и даже не знала, что мне делать… А вдруг Колин решит, что это я виновата? Мне ни за что не оплатить ущерб, у меня нет столько денег… Какой ужас, Дэниел!

Я остановил ее и немного встряхнул за плечи, стараясь привести в порядок. Старушка послушно умолкла и перевела дух, после чего вновь испуганно уставилась на нас с Фрэнком.

– Что произошло, Молли?

– Я… я как обычно рано утром приехала на ферму, чтобы присмотреть за скотом и накачать воды в корыта… Зашла в дальний сарай, – старушка махнула рукой в сторону. – В тот, где Колин держит молодняк… А там была эта… туша. Дэниел, я никогда такого не видела! Я так испугалась!

Молли громко всхлипнула и попыталась унять возрастающее волнение. Я впервые видел ее такой расстроенной.

Она работала на этой ферме много лет и помнила времена, когда здесь еще царил порядок и достаток. После смерти отца Фостер не стал увольнять пожилую женщину, а велел ей приглядывать за оставшимися животными и заодно наводить порядок в его доме.

– Отведи нас туда и покажи, что тебя так испугало, Молли, – тихо произнес я, положив ей руку на плечо.

Она согласно закивала, после чего молча повернулась и засеменила к выходу из сарая.

Я невольно переглянулся с Фрэнком. Его холодные серые глаза излучали тревогу – казалось, что он уже знает о том, что нам обоим предстояло сейчас увидеть.

До отдаленного захиревшего здания мы добрались минут за десять – идти по неровной мерзлой земле, припорошенной снегом, было не слишком просто. Угодья давно никто не расчищал, так что поверхность грунта то и дело норовила броситься под мои подошвы внезапно возникшим из ниоткуда уступом или выбоиной с неровными краями.

Дверь сарая была распахнута, и рядом с ней топтались молодые коровы, как будто опасаясь заглядывать внутрь. Молли первой вбежала в дверной проем, после чего снова принялась горестно причитать себе под нос.

Я вошел внутрь и сразу же почувствовал удушливый запах крови. Его сложно было не заметить – казалось, что под бревенчатыми сводами приземистой хижины все было пропитано этим металлическим ароматом. Я даже ощущал его на кончике языка, как будто вязкая липкая жидкость успела испариться и стать частью воздуха, заполняющего пространство сарая.

Старушка стояла в углу под высоким узким окном, с ужасом рассматривая что-то на полу.

Я подошел к ней и мягко отстранил в сторону одной рукой. Она шагнула вбок, и моим глазам предстала не самая живописная картина, от которой невольно сжался желудок. Мимоходом я подумал о том, что не зря сегодня воздержался от завтрака.

– Как будто коровью тушу пропустили через мясорубку, – тихо прошептала Молли, стоя где-то за моей спиной.

Мне пришлось присесть над трупом животного, чтобы хорошо его рассмотреть в царившем полумраке.

Животное не просто было выпотрошено, казалось, что его вывернули наизнанку, как вязаный свитер. Даже на скотобойне у старшего Фостера я никогда не видел ничего подобного. А ведь в юности я проработал там несколько лет, помогая мяснику за весьма скромное вознаграждение.

Фрэнк опустился на колени рядом со мной и с мрачным интересом стал разглядывать изуродованный коровий труп. Затем он зачем-то наклонился к задней части туши и даже потрогал ее руками.

– Что ты делаешь? – спросил я, наблюдая за ним.

– Здесь поврежден позвоночник. Видишь? – детектив махнул мне рукой, призывая наклониться. – В самом низу.

Я нехотя опустил голову в указанном направлении и тут же заметил, что он был прав. Там, где позвоночный столб переходил в тазовое сплетение, кости были разворочены во все стороны. Я даже представить себе не мог, каким образом можно было так изувечить тушу животного.

– Да тут, по-моему, каждая кость сломана, – обронил я, продолжая рассматривать мертвую корову.

– Я уже видел такое раньше, – неожиданно произнес Фрэнк, поднимаясь на ноги и вытирая свою окровавленную ладонь о белоснежный носовой платок, вытащенный из кармана пальто.

– Видел? Где?

– Не так важно, где. Важнее, что, – пространно ответил он, буравя выпотрошенный труп угрюмым взглядом.

– Я снова не понимаю ни слова, – проворчал я, поднимаясь и отряхивая колени. – Ты можешь говорить по-человечески?

– Эти увечья в нижней части туши, что я тебе показывал, – он указал пальцем вниз. – Из животного выкачали весь костный мозг.

– Зачем кому-то это делать? – проскрежетала Молли, с удивлением глядя в окровавленный угол сарая.

– Как я уже говорил тебе, Дэниел, мир вокруг стремительно меняется. И это не всегда хорошо для нас…

* * *

Утро началось с того, что меня разбудил телефонный звонок. Анна спала рядом, не придавая значения настойчивому звуку аппарата. Я поднял трубку и протер заспанные глаза:

– Кому не спится в такую рань?

– Дэнни… Ты слышишь? Дэнни, привет. Это Алекс Грей, – раздалось на том конце телефонной трубки.

– Алекс? Что случилось?

Алекс Грей – главный и единственный криминалист-эксперт в нашем городке, который к тому же проводил вскрытия покойников, выдавал свидетельства о смерти, и, помимо всего прочего, организовывал похороны. В таких небольших поселениях как Норт Ривер многим приходилось совмещать сразу несколько обязанностей.

Я не был слишком близок с Алексом, хотя по долгу службы мы не раз пересекались с ним в подвалах, расположенных под полицейским участком. Это было царство Грея – там он работал в одиночку, проводя большую часть времени в холодных залах без окон.

Ранний звонок Алекса удивил меня – он общался со мной крайне редко. Я даже не мог вспомнить, когда он вообще звонил мне домой в последний раз.

– Слушай, Дэнни. Тут пришел твой новый напарник и притащил дохлую корову. Он требует провести вскрытие, говорит, что у него имеются для этого веские основания, – голос на другом конце провода звучал раздраженно. – Я не знаю, как там принято в больших городах, но здесь криминалист обычно не занимается останками животных. Понимаешь?

– И что ты хочешь от меня, Ал?

Конечно, я сразу понял, для чего он мне звонит. Эксперт надеялся, что я, как более взрослый и опытный офицер, сделаю замечание Фрэнку Миллеру, и тот уберется восвояси вместе с тушей растерзанной коровы.

Грей не мог сам отказаться от этой затеи – согласно своду правил нашего округа, криминалист обязан выполнять любое требование детектива. Даже если оно касается вскрытия дохлых животных.

– Может быть, ты приедешь и вразумишь своего напарника? У меня и без этой туши хватает забот, Дэнни. Мистера Лоу вчера нашли мертвым в собственном доме – у бедного старика не выдержало сердце… Ты же знаешь, сколько бумажной волокиты у меня сейчас начнется. В самом деле, Дэн… Мне совсем не до этой чертовой коровы!

– Ладно, слушай, я уже одеваюсь и еду в участок… А где сейчас Фрэнк?

– Стоит за дверью и ждет, когда я займусь его коровой, – сердито проворчал Алекс. – Он залил кровью весь пол в холле. Проклятая туша начала оттаивать, и теперь повсюду грязь…

– Постарайся не выходить из себя, Алекс. Фрэнк Миллер здесь новенький, понимаешь? Я сейчас приеду.

На обратном конце трубки раздались частые гудки.

Я нехотя встал с постели и потянулся. Приезжать на работу раньше положенного времени мне совсем не хотелось, но раздраженный тон Грея давал понять, что он уже от меня не отцепится. Поэтому я оделся, спустился вниз, прихватив с кофейного столика ключи от машины, и покинул теплые стены дома.

В подвале участка меня издалека встретили бурные возгласы – я уловил низкую интонацию Фрэнка, которую время от времени прерывал визгливый голос Алекса. Когда я спустился к ним, они оба мигом бросились ко мне навстречу, и я на всякий случай отступил назад.

– Поговори уже с ним, наконец, Дэнни! Если ему так нужна эта корова, то пусть везет ее с собой обратно в столицу и там занимается этой чепухой!

– Дэниел, мы должны проверить останки. Это важно, – спокойно настаивал детектив.

Я вздохнул. Хуже начала рабочего дня и не придумаешь.

Я знаками попросил Алекса помолчать, после чего схватил Миллера за рукав пальто и оттащил в сторону:

– Зачем тебе вообще понадобилось копошиться в этой корове?

Фрэнк серьезно посмотрел мне в глаза и тихо ответил:

– Я уже говорил тебе, что видел подобное раньше. Если вскрытие останков подтвердит мои опасения, то весь город окажется в опасности.

– О чем ты говоришь? – опешил я.

– Сперва мне нужно убедиться в том, что я предполагаю. Дэниел, я бы не стал просто так тащить эту мертвую тушу в город. Поверь, это не самое приятное занятие.

Я бросил быстрый взгляд на силуэт Алекса Грея, маячащий неподалеку от нас. Всем своим видом криминалист демонстрировал свое недовольство, постукивая каблуком ботинка о бетонный пол.

Он точно не обрадуется тому, что я встану на сторону Фрэнка. Но если детектив уверен в том, что он говорит… Безопасность Норт Ривер важнее, чем спокойствие Грея.

К тому же, это происшествие не на шутку встревожило меня, ведь никогда прежде подобного зверства в городе я не встречал. Кто знает, что может быть на уме у психа, который сотворил подобное?

– Проведи вскрытие, Алекс. Не думаю, что у тебя это отнимет много времени…

– Да ладно, Дэнни! Ты что, серьезно?

Эксперт всплеснул руками и, со скрипом провернувшись вокруг своей оси, скрылся за дверями операционной. Фрэнк шагнул вперед и громко выкрикнул ему вслед:

– Я оставлю корову здесь. Когда будут готовы результаты, положите их на стол Косгроу…

Остаток дня прошел относительно тихо – я копошился в бумагах на своем столе, а Фрэнк, закончив обход территории, мимолетом флиртовал с Кетти, которая краснела все больше от каждого знака внимания со стороны столичного детектива.

Вечером, вернувшись домой, я обнаружил на тумбочке в гостиной запечатанный конверт. Боб Шеффилд, наконец, добрался до своего укромного домика на теплом берегу океана, о чем он радостно сообщал в письме, не преминув вложить в конверт несколько красочных снимков…

* * *

Заглянув на обед в «Голодного Гарри», я узнал сразу две неприятные новости. Во-первых, я невольно услышал обрывок разговора двух старшеклассников, сидящих за соседним столиком, пока ждал свою картошку и запеченную свинину. Судя по их болтовне, семнадцатилетняя Беттани Сандрес, девушка капитана футбольной команды Алана Торнтона, внезапно бросила несчастного, закрутив роман с таинственным незнакомцем.

Подростки что есть мочи критиковали легкомысленную Бет, которая вторую ночь не появлялась дома и пропадала черт знает где со своим новым ухажером. Ко всему прочему, раздосадованный Алан грозился расправиться с соперником, едва только выяснит, кем он является. Загадочности этой истории придавало то, что Бет Сандрес не раскрывала имя таинственного незнакомца даже своей лучшей подруге Кристал Хадженс.

Я бы не придал этой подростковой болтовне столько значения, если бы краем уха не выловил неприятную для моего слуха фразу одного из парней:

– Кристал говорит, что Бет без ума от этого мужика, – откровенничал старшеклассник. – И она собирается сбежать с ним вместе, когда он поедет домой.

Что-то неприятно кольнуло в моем мозгу, но я постарался отогнать от себя мерзкую догадку. Вряд ли Фрэнк настолько глуп, чтобы закрутить роман с несовершеннолетней школьницей. К тому же, мне казалось, что он с первого дня всерьез увлекся Кейт Робертсон.

Во-вторых, ожидая свой заказ, я не мог не заметить непривычно мрачное лицо Тони Парксона, владельца кафе. Обыкновенно он сиял от прекрасного расположения духа, стоя у жаровни, а его жена Элли в это время приветливо ворковала с посетителями, принимая заказы. Однако сегодня Тони был явно не в настроении.

– Что-то случилось, приятель? – не удержавшись, поинтересовался я.

Главная прелесть таких отдаленных городков состоит в том, что здесь все друг друга знают едва ли не с пеленок. И поэтому спрашивать о личных делах в столь

тесной общине не считается чем-то зазорным – напротив, людям нравится, когда другие обращают на них внимание и проявляют вежливое участие, осведомляясь об их жизни.

– Привет, Дэнни, – нехотя буркнул в ответ Парксон. – Случилось… Даже и не знаю!

– Неужели все так плохо, Тони?

– Этот твой новый напарник, Дэнни, – Тони понизил голос и сдвинул брови на переносице. – Могу поклясться, что я видел, как он флиртовал с моей Элли.

Я едва не поперхнулся своим кофе, услыхав это, и на всякий случай переспросил у него, уверен ли он в том, что говорит.

– Она хохотала как малолетняя дурочка, – Тони ударил кулаком по столешнице, отчего стоящие на ней пустые стаканы звонко зазвенели. – Может, у них там в краях и принято околачиваться у чужих жен, но на своей земле я такого не потерплю!

– Я не думаю, Тони, что это может быть правдой. Я видел, как он смотрит на Кетти. Мне кажется, если он и стал бы флиртовать с кем бы то ни было в Норт Ривер, то уж точно с ней…

– Слушай, Дэнни, мне уже давно не шестнадцать лет, – перебил меня Парксон. – Лучше поговори сам со своим новым напарником, чтобы он поумерил любвеобильность. Иначе я объясню ему все на кулаках!

Из «Голодного Гарри» я уходил в полном смятении. И решил на всякий случай поговорить с Фрэнком, чтобы прояснить эту весьма странную ситуацию. Но в участке его не было – Кетти сообщила, что детектив отправился в свой отель сразу после обеда. Выглядела она немного расстроенной, но я не стал расспрашивать ее об этом.

В Норт Ривер был всего один отель, который все еще исправно работал – он стоял у самого берега реки, неподалеку от въезда в город. Отыскать номер Фрэнка Миллера оказалось еще проще – в холле мне сразу же сообщили, что он

остановился на втором этаже, в первой спальне у лестницы.

Я уже собирался постучать в дверь, когда заметил, что она не заперта. Я осторожно толкнул ее и вошел внутрь.

В номере было пусто, зато из ванной комнаты доносились какие-то звуки. Я решил позвать детектива и поторопить его с водными процедурами, когда вдруг отчетливо услыхал голос Бет.

– Хочешь, я сделаю это еще раз? – с придыханием протянула старшеклассница сквозь звон льющейся воды.

Следом до меня донесся и приглушенный тембр Фрэнка Миллера:

– Давай позже. Мне нужно вернуться в участок.

Я понимал, что мне стоило развернуться и выйти из номера, но я был настолько ошеломлен услышанным, что встал как вкопанный, пытаясь понять, не привиделось ли мне все это в дурном сне.

Через мгновение на пороге ванной возникла обнаженная фигура Бет. Увидев меня, девочка вскрикнула и попыталась прикрыть ладонями одновременно и мокрую грудь, и гладко выбритый лобок, после чего с громким воплем ринулась обратно за дверь уборной.

– Что ты здесь делаешь, Дэниел?

Фрэнк спокойно вышел из душевой, даже не стараясь спрятать свою наготу.

Он подошел к краю смятой постели, уселся на нее и стал медленно одеваться, застегивая одну пуговицу за другой на своей накрахмаленной рубашке.

– Какого черта ты вытворяешь? – я, наконец, вновь обрел голос. – Ты что, совсем спятил?!

Он не успел ответить – в номере вновь оказалась смущенная и раскрасневшаяся Бет, уже одетая и причесанная. Не глядя на меня, она ринулась к входной двери,

на ходу смахивая слезы со своих горящих от стыда щек.

– Я сижу в своем номере на кровати и одеваюсь, чтобы вернуться в участок, – без малейшего колебания ответил детектив.

– Да ты хоть представляешь себе, что начнется, если об этом станет известно в городе? Боже! О чем ты вообще думал?!

Миллер равнодушно передернул плечами и поднялся на ноги. Затем он схватил со спинки стула пиджак, накинул себе на плечи и обернулся ко мне:

– У вас здесь разве не принято заниматься сексом с женщинами? Мне казалось, что это самая нормальная вещь на свете для любого мужчины.

– Женщинами? – я вышел из себя. – Миллер, ей даже восемнадцати нет! Если ее родители или хоть одна живая душа в городе об этом узнает…

– Узнает что, Косгроу? Что в вашем захиревшем городке обитают маленькие шлюшки? Или ты серьезно полагаешь, что я стал бы тащить ее насильно в постель?

Я снова лишился слов.

Стоя посреди темного номера и наблюдая за копошащимся в своих вещах Фрэнком, я старался вернуть себе дар речи и заодно отойти от одолевшего меня шока.

Мой новый напарник оказался не просто чудаковатым, я вообще впервые в жизни сталкивался с подобным человеком, и теперь даже не представлял, как мне реагировать на его слова. К тому же, в голове тревожным звоночком пульсировала пугающая мысль: если об этом станет известно в городе, пострадает не только Фрэнк, но и моя собственная репутация.

– Если тебе станет от этого легче, она сама притащилась ко мне в номер посреди ночи, – проговорил он. – И я очень сомневаюсь, что стал первым, с кем она успела порезвиться в Норт Ривер.

– Ты просто чудовище, Фрэнк! – воскликнул я. – Беттани ведь еще совсем ребенок…

– Для ребенка она слишком искусна в постели, – грубо перебил он меня.

Я больше не мог продолжать этот разговор, поэтому развернулся и решил уйти прочь. Однако на пороге меня задержала брошенная вдогонку фраза Миллера:

– Встретимся у Алекса Грея, Дэниел. Если мои опасения окажутся верными, я советую и тебе как следует повеселиться напоследок. Потому что больше такой возможности нам не представится.

Я не стал отвечать ему.

Громко захлопнув за собой дверь, я рысью сбежал вниз по ступеням и с удовольствием вдохнул мерзлый воздух полной грудью. Мне нужно было хотя бы немного времени для того, чтобы прийти в себя перед тем, как ехать в участок…

Бог знает за какие прегрешения судьба послала мне такого чудовищного напарника.

* * *

Ближе к обеду в участок заявился Колин Фостер. Я сразу понял, что он накануне выпивал – от него не только за милю разило перегаром, но и насквозь выдавали припухшие веки. Он гневно сотрясал кулаками, стоя у моего стола, пока я устало объяснял ему, что мне необходимо еще немного времени.

– Это так не делается, Колин. Сегодня я точно буду знать, от чего сдохла твоя корова, и после этого мы постараемся найти улики…

– А разве это не понятно? – воскликнул Фостер, обдав меня алкогольными парами. – Какой-то ублюдок пробрался на мою территорию и выпотрошил несчастную скотину… Этот маньяк все еще гуляет по городу, пока ты торчишь тут, Косгроу! Ты хоть знаешь, сколько сейчас стоит молодая телка, способная давать приплод?

– Нет, не имею понятия, Колин, – спокойно ответил я.

– Вот именно! Мне нанесли серьезный ущерб, Косгроу! И я требую, чтобы ты нашел этого урода и заставил возместить все мои убытки. Наверняка это один из тех чертовых подростков, которые отираются на окраинах.

– Мы разберемся с этим, Фостер…

– Так сколько мне ждать? – не унимался он. – А что, если ублюдок снова проберется на мою землю и изрежет еще одну корову?

– Я бы больше переживал о собственной шкуре, приятель. Если это чудовище снова объявится, то уж точно оно не придет за твоим скотом, – раздался откуда-то голос Фрэнка.

Я обернулся.

Детектив проскользнул мимо Кетти, подтянув стул и усевшись напротив. Он окатил меня ледяным взглядом, после чего поинтересовался сквозь зубы так, чтобы услышать его слова смог только я:

– Очень жаль, что развратные девочки-тинейджеры для тебя куда важнее безопасности Норт Ривер, Дэниел. Я ждал тебя вчера, но ты так и не явился.

– Я решил еще раз осмотреть место происшествия, – солгал я.

На самом деле, после вчерашнего визита в отель я просто отправился домой и решил больше не заезжать в участок, чтобы не сталкиваться с Миллером. Но уклоняться от встречи с ним до бесконечности все равно бы не вышло, так что сегодня с утра я проделал над собой недюжинное усилие, чтобы со спокойным лицом приехать на работу.

Но, к моему удивлению, Фрэнка на рабочем месте я не застал.

– И что же ты нашел? – спросил он, явно не поверив мне.

– Ничего. Никаких следов, – ответил я.

Фостер, устав ждать, решил вновь вмешаться в разговор. Он окатил меня гневным взглядом и затряс перед моими глазами какой-то бумажкой.

– Видишь, Косгроу? Теперь я даже не смогу защитить себя и своих животных. Вы отобрали у меня оружие и лицензию!

– Ты сам виноват, Колин, – парировал я. – Не стоило разгуливать с ружьем по городу, да еще и в состоянии алкогольного опьянения.

– Верните мне мой обрез. Я не могу чувствовать себя в безопасности!

Я протяжно выдохнул.

Каждый раз, когда Фостер оказывался в участке, он закатывал истерики и неизменно требовал от стражей порядка чего-нибудь: арестовать шумных тинейджеров, гуляющих неподалеку от его ферм, вернуть ему права на ношение оружия или же отловить одичавших собак, метивших его территорию.

– Обрез тебе не поможет. Ступай домой, – холодно произнес Фрэнк, поднимаясь на ноги.

– А ты вообще кто такой? Очередной тупица, которого сослали в Норт Ривер?

– Я тот, кто не станет просить тебя дважды. И если ты не уберешься сейчас, как я тебе настоятельно советую, то в следующий раз на тревожный вызов к твоей ферме больше никто не приедет.

Колин собирался затеять новую словесную перепалку, но неожиданно умолк и передумал.

Он пригрозил в пустоту пальцем, после чего с шумом сплюнул прямо на пол и вышел прочь. Кетти, напряженно наблюдавшая за этой сценой со стороны, наконец расслабилась и смогла вернуться за свой стол.

– Не хочешь узнать результаты экспертизы убитой коровы, офицер? – Фрэнк недобро покосился в мою сторону. – Мне думалось, что тебя, как никого другого,

должны интересовать подобные вещи.

– А есть что-то необычное? – бросил я.

– Если ты не слишком занят, можешь спуститься к Алексу Грею сам и расспросить его об этом, – ответил детектив.

Я снова вздохнул. Вряд ли чья-то нездоровая шутка могла всерьез навредить безопасности города. В конце концов, подобное не раз вытворяли голодные волки, спускавшиеся сюда из леса в голодную зимнюю стужу.

Хотя, конечно, после их нападений туши не оставались в таком странном виде. Голодный хищник не стал бы высасывать из коровы спинной мозг и оставлять нетронутым все мясо.

Когда я проходил мимо детектива, выбравшись из-за своего стола, он снисходительно бросил мне вслед:

– Подумай о преждевременной пенсии, Косгроу. Мне кажется, ты уже слишком стар для этой работы.

– Я рад, что ты так тревожишься обо мне, Миллер, – произнес я сквозь зубы. – Но до того, как ты сюда приехал, Норт Ривер жил своей обыкновенной жизнью.

– Если бы я не приехал сюда, Дэнни, – он сделал особое ударение на последнем слове. – То шансов на спокойное существование у вас всех было бы примерно раза в три меньше.

– Как хорошо, что у нас есть такой герой, – не скрывая сарказма, протянул я. – Как бы мы смогли совладать с дохлой коровой без твоего участия?

Фрэнк сложил руки на груди и откинулся на спинку своего стула.

Кейт, следившая за нашей перепалкой с разинутым ртом, явно старалась понять, что вообще происходит – это хорошо было заметно по мучительно-напряженному выражению ее круглого личика.

– Что ж, – негромко ответил Миллер. – Когда ты вернешься с результатами вскрытия дохлой коровы, я не стану мешать твоей работе.

Он сверкнул холодными серыми глазами и демонстративно отвернул голову в другую сторону. Я не стал терять больше времени, и, выйдя в холл, сразу спустился в подвальные помещения.

Щуплую фигуру Алекса я заметил издалека – он растерянно топтался на месте, стоя делая какие-то пометки в своем огромном блокноте.

– А, Дэнни, – воскликнул он, завидев меня. – Наконец-то ты пришел.

– Что-то случилось?

Криминалист замялся. Я заметил, что выражение его лица стало одновременно смущенным и задумчивым, словно ему было стыдно за то, что он собирался произнести.

– Даже не знаю, Дэнни. Это все немного… странно.

– Может, скажешь, что произошло?

– Начну с того, что твой нахальный дружок был прав – корова действительно оказалась довольно интересным экспонатом. Если можно так выразиться…

Он почесал у себя за ухом, после чего махнул рукой, приглашая меня следовать за собой.

Мы вошли в холодный зал операционной, ярко освещенный потолочными лампами. На металлическом столе посреди помещения лежала изувеченная туша животного, которую Алекс уже успел изрезать вдоль и поперек.

– Так что там такого странного ты обнаружил, Грей? – напомнил я.

– Видишь вот это? Место, где должны были находиться внутренности животного?

Эксперт указал на разделанную брюшину, в которой зияла пустота.

Я согласно кивнул, стараясь не слишком вглядываться в эту неприглядную картину. В зале сильно пахло каким-то едким раствором и свернувшейся кровью – то еще удовольствие.

– Так вот, никаких внутренних органов не осталось.

– Может, их вырезали и унесли с собой? Или съели волки? – предположил я.

– Я тоже так сначала подумал. Но вся проблема в том, что корову выжрали изнутри, Дэнни.

– Как это – изнутри, – переспросил я. – Хочешь сказать, что какой-то хищник залез в животное и съел его?

– Я хочу сказать, что ее ели изнутри, а не съели изнутри, – поправил Грей.

– Не понимаю, в чем разница?

Алекс снова почесал за ухом, как будто он заметно нервничал.

Чтобы напоследок еще раз удостовериться в собственных словах, он снова подошел к изуродованной туше и заглянул в ее нутро, что-то бормоча себе под нос и согласно кивая самому себе.

Я молча наблюдал за ним со стороны, мечтая поскорее отсюда выбраться. Едкий запах оттаявшей мертвечины и хлора раздражал носоглотку, и от этого меня начинало немного подташнивать.

– Разница в том, что жрали корову заживо, забравшись в ее тушу, пока она не умерла от болевого шока и кровопотери. Затем из нее высосали весь костный мозг и словно вывернули наизнанку… Больше всего похоже на то, что из туши что-то вылезло наружу. Да…

– Это какая-то чушь, Алекс, – недоверчиво протянул я. – Кто мог это сделать? И как вообще подобное осуществимо с точки зрения физиологии?

– Не имею ни малейшего понятия, Дэнни. Но факты говорят сами за себя.

– Это мог быть хищник? Возможно, корова погибла до того, как ее обглодали? Такое бывает в природе. Волк мог учуять запах свежего трупа и заявиться на ферму.

– Нет, Дэнни, – Грей покачал головой. – Следов активного разложения на животном нет. Это указывает на то, что корова погибла уже после того, как ее частично сожрали. К тому же, ни один волк не сумеет вывернуть тушу наружу, как апельсиновую кожуру.

Я задумался. Все это действительно выглядело несколько странно.

Но я не мог отбросить мысль о том, что подобное мог сотворить психически нездоровый человек. Что ему стоило, вооружившись кипой инструментов, проделать все это с коровой? Мясники на фермах и не на такое способны, если подумать, и силы им не занимать, это уж точно.

– И каково же твое заключение, Ал?

Он явно не спешил с ответом. Покопошившись в своем большом блокноте, он вытащил из него тощую подшивку с печатью и сунул мне в руки:

– Я думаю, это какой-то паразит. Но ничего не могу сказать наверняка. Я отправил образцы в Бейддл, у них лаборатория куда круче нашей. Так что попробую расширить свой ответ после получения дополнительной экспертизы.

Я молча кивнул. В предположения Алекса верилось с трудом, да и откуда на этих ледяных просторах мог взяться такой паразит? Единственные беды, которые здесь могли поджидать – это пьяные подростки и голодные волки.

Когда я выходил из зала, с облегчением вдыхая воздух, не смешанный с парами из лабораторных колб, Грей окликнул меня:

– Меня еще кое-что тревожит, Дэнни. Когда я рассказал об этом твоему дружку Фрэнку, то не заметил, чтобы он так уж сильно удивился… Скорее, он выглядел расстроенным и погрустневшим, как будто именно это он и ожидал услышать.

Вернувшись наверх, я столкнулся нос к носу с Миллером, который собирался уходить. Он не обратил на меня никакого внимания, на ходу запахнулся в пальто и направился к выходу.

Кетти с грустью глядела ему вслед, едва сдерживая слезы.

– Далеко собрался? – окликнул я детектива.

– Я не стану путаться у тебя под ногами, Косгроу. Занимайся своими делами. Когда понадобится моя помощь, ты знаешь, где я нахожусь, – обронил он через плечо.

Усевшись за свой стол, я с досадой пнул стул, на котором несколько минут назад сидел Фрэнк. Он отлетел в стену, жалобно скрипнув, а затем упал, приземлившись на решетчатую деревянную спинку.

Вздрогнув от неожиданности, Кетти прижала тонкие пальчики к своим накрашенным губам, после чего внезапно разразилась рыданиями. Она схватила с вешалки свое меховое пальто и бросилась прочь из участка, заходясь в натужной истерике.

Я устало сгорбился над столом и обхватил пульсирующие виски руками.

За каких-то несколько дней размеренная жизнь в Норт Ривер превратилась в аттракцион безумия, и мне сложно было собрать воедино расползающиеся в разные стороны мысли.

Как бы там ни было, я понимал одно – мне придется отправиться к Фрэнку и поговорить с ним, даже если этого мне совершенно не хотелось. Я втайне был зол на него за то, что с его приездом наш тихий городок накрыла волна распрей, вина за которые во многом лежала именно на его плечах.

Но я утешал себя тем, что понимал – вряд ли самому Фрэнку было так уж комфортно среди нас, ведь не нужно было обладать проницательным умом, чтобы заметить, насколько чужеродным он казался на лоне этих безмолвных земель.

* * *

Декабрь в Норт Ривер – это время, когда, несмотря на удаленность от прочего мира, люди стараются не обращать внимание на серость и убогость холодного пейзажа.

Всюду в городе появляются сияющие огни, а в местных лавках и магазинчиках становится немного уютнее, когда владельцы развешивают под потолком разноцветные бумажные флажки. Признаться честно, я все еще больше всего на свете любил Рождество, пусть мне и шел сорок седьмой год, но в душе я по-прежнему ждал настоящего чуда от этого праздника.

Проезжая по Лэйк-Аллей, я с особым упоением разглядывал ледяную корку, опоясывающую глубоководную реку. Через полторы недели прямо поверх замерзшей воды появится огромная разлапистая ель, украшать которую приедет весь городок. Да, это действительно лучший месяц в году…

В гостиной меня встретили радостные возгласы Мэри и громкая музыка. Анна, покорно скрестив руки на груди и едва заметно улыбаясь, молча наблюдала за девочкой со стороны, позволив ей в одиночку стащить с верхней полки шкафа огромную картонную коробку с елочными гирляндами.

Когда я захлопнул за собой дверь, отрезав свистящие порывы ветра, Мэри как раз балансировала на стуле на цыпочках, чтобы дотянуться до широкой арки, отделяющей комнату гостиной от столовой.

Каждый год мы украшали все дверные и оконные проемы на первом этаже, развешивая под ними электрические гирлянды, а ближе ко дню Рождества посыпали стекла окон искусственным снегом и ставили на журнальный столик большой букет из свежих еловых веток.

– Пап, хорошо, что ты вернулся, – звонко прокричала Мэри. – Ты не помнишь, куда мы спрятали в прошлом году коробку с золотистыми звездочками?

– Признаюсь честно – не имею ни малейшего понятия, – я развел замерзшими руками в стороны.

Мэри замерла на мгновение, нахмурив свой белоснежный лобик, а затем отмахнулась со словами:

– Заберусь завтра утром на чердак и проверю там. Наверное, бабушка решила навести порядок перед отъездом… Как обычно.

Я разулся, скинул с себя пальто, хорошенько отряхнув его от снега перед тем, как подвесить за крючок на вешалку. А затем юркнул на диван к Анне, прижавшись к ней поплотнее и обхватив ее за талию. Она молча улыбнулась мне и уложила голову на мое плечо.

Остаток вечера мы трое провели в гостиной, заняв весь диван и прислушиваясь к вою ветра за окном, который перемежался с голосом диктора радио, вещающего о скором приближении какого-то ужасающего погодного циклона.

Ближе к одиннадцати ночи Анна отправила Мэри в душ, после чего поднялась с ней в детскую и уложила в кровать.

– Долго мне тебя ждать, офицер Косгроу? – игриво поинтересовалась она, вернувшись в гостиную в одних прозрачных чулках.

Я похлопал по дивану, призывая ее опуститься рядом. Анна послушно приземлилась на мягкую диванную подушку, откинув копну растрепавшихся темных волос себе на спину.

Я провел пальцем по ложбинке между ее грудей, аккуратно скользнул к пупку и проследовал вниз, к небольшому треугольнику темно-каштановых волос. Анна закрыла глаза и задышала чаще, раздвинув белоснежные бедра немного шире…

В ту ночь мне спалось особенно плохо. Я ворочался в постели, стараясь не шуметь и не тревожить спокойный сон своей жены, но никак не мог найти себе места. Казалось, что прошла целая вечность перед тем, как я наконец начал ощущать долгожданную усталость.

Закрывая веки и погружаясь в странный мир сновидений, я краем уха уловил приглушенный сухой кашель, доносящийся из детской.

«Нужно дать Мэри утром сироп, чтобы она не разболелась к Рождеству» – подумал я мельком, после чего наконец-то крепко уснул.

Глава 2. Кейт Робертсон

Маме становится все хуже с каждым днем, но я стараюсь не отчаиваться. И еще я стараюсь не думать о том, что будет, когда она умрет…

Нет, это не правда. Я думаю об этом постоянно. Да, мне так сложно с ней, уход за неизлечимо больным человеком отнимает столько сил… Боже, дай мне еще хотя бы немного терпения!

Я внушаю себе, что сумею со всем справиться и что все, что бы ни произошло, пойдет мне только на пользу. Если мама умрет, то больше ничего не будет удерживать меня здесь, в Норт Ривер. Тогда я смогу собрать свои вещи и уехать. Я не знаю, куда, но эта мысль греет мою душу и утешает в самые сложные и беспросветные дни. Я твердо решила, что не останусь здесь. Тут так холодно, одиноко и тоскливо… Зачем мы вообще переехали в этот проклятый город?

Вчера маме было так плохо, что мне пришлось уйти с работы пораньше. Хорошо, что мистер Ллойд с понимаем относится ко мне и не задает лишних вопросов. Я бы не хотела кому-нибудь рассказывать о том, что происходит в моей жизни…

Когда я приехала, мама была без сознания, и только к вечеру пришла в себя.

У нее раньше были такие красивые, ясные светлые глаза. Теперь они совсем мутные, как у мертвеца. Она мало что понимает и почти не говорит, но всегда радуется, когда я к ней прихожу… Я вижу это по ее бесцветным, бледным губам. Она старается улыбнуться мне и поздороваться, но вместо этого лишь тихо стонет.

Дома теперь так пусто и холодно… Хорошо, что миссис Уиллис подарила мне щенка, все же возвращаться в дом, где тебя ждет хотя бы кто-то, совсем не так грустно.

В этот раз Флоббер так радостно подпрыгивал и скакал вокруг меня, что я рассмеялась. Как хорошо быть маленьким и беззаботным… Я бы так много отдала, чтобы хотя бы на один день вернуться в свое детство. Снова увидеть солнечные улицы далекого города. Колесить на велосипеде по тенистым аллеям и смотреть на мелкую рябь воды в фонтане посреди центрального сквера.

Господи, будь проклят тот день, когда мы перебрались в Норт Ривер!..

Ужинать сегодня мне совсем не хотелось, и я собиралась улечься в постель сразу после душа, но в дверь постучала миссис Уиллис и пригласила меня на пирог с брусничным чаем. Они такие хорошие, наверное, единственная светлая сторона, что есть в Норт Ривер – это мои соседи. Мишель и Тед понимают, как сложно мне приходится, и стараются сделать все возможное, чтобы отвлечь меня, за что я им действительно благодарна.

На прошлой неделе миссис Уиллис позвала меня к себе и показала целую пригоршню смешных, ушастых щенков. Я с удовольствием провозилась с ними до самой темноты, а затем Мишель предложила взять одного из них себе. Я выбрала того, у которого были самые длинные коричневые уши и назвала Флоббером…

Наверное, я действительно очень скучаю по дому, если первое, что мне приходит на ум – это название улицы, на которой я выросла…

* * *

Никто не знает, что происходит у меня внутри – я старательно делаю вид, что у меня все просто отлично. Вот почему люди в Норт Ривер не задают мне лишних вопросов, ведь им даже в голову не приходит, что человек не обязан плакать навзрыд, если ему ужасно плохо.

Еще в детстве я заметила – в этом городе не принято надевать маски, поэтому по лицам большинства местных жителей с легкостью можно угадать то, о чем они думают. Я бы никогда не смогла стать такой же, как они… Это невозможно.

На работе все знают меня как веселую и легкомысленную Кетти, которая занята лишь тем, что подправляет макияж и рассматривает глупые журналы для

молоденьких пустышек. Но так гораздо проще. Я не стремлюсь делиться с кем-то своей болью. Пусть в чужих глазах я буду лишь наивной юной куклой.

В конце концов, зачем искать себе близких людей в месте, из которого ты собираешься сбежать сразу же, как только у тебя появится возможность?

Мне действительно здесь слишком плохо для того, чтобы даже постараться жить так, как остальные. Иногда мне ужасно стыдно за то, что я думаю, но… Чем скорее умрет мама, тем скорее я стану свободной.

* * *

Никогда бы не подумала, что хоть что-то в Норт Ривер способно всерьез взволновать меня, но… Сегодня к нам приехал новый детектив.

Он так не похож на тех людей, что живут здесь. Мне кажется, он понравился мне сразу, как только я его увидела.

Я чувствовала себя так неловко каждый раз, когда он проходил мимо моего стола и смотрел в мою сторону. Может быть, я тоже ему приглянулась?.. Это было бы так чудесно, ведь в Норт Ривер я так и не смогла найти никого, с кем бы мне хотелось проводить время.

У меня не очень много опыта в таких вопросах, и я совсем не представляю, как мне себя вести, так что вечером я заглянула к миссис Уиллис и как бы невзначай задала ей несколько вопросов. Но Мишель оказалась гораздо более проницательной, чем мне казалось.

Она сразу догадалась, что произошло, и с интересом стала расспрашивать у меня, где я сумела набрести на потенциального кавалера. Смешно, но меня ее слова смущали до красноты, и я отмахивалась от ее фраз так, как только могла.

Когда я вернулась домой, было уже совсем поздно. На прощание миссис Уилсон протянула мне вязаный шарик с колокольчиком внутри – подарок для малыша Флоббера.

Я не стала сразу укладываться в постель, хотя мне нужно было ехать на работу. Вместо этого я уселась на подоконник и несколько часов наблюдала за тем, как ветер полощет замерзшие ветки сосен, растущих у обочины.

В эту ночь я была ужасно взволнована и с нетерпением ждала утра, чтобы вновь увидеть детектива. Но затем мои воспоминания уносили меня в больницу, к умирающей матери. Меня бросало из ада в рай до самого рассвета…

* * *

Боже, мне так неловко, когда он появляется в полицейском участке. Я не могу найти себе места и веду себя так глупо…

Мне кажется, что он уже все понял и втайне посмеивается надо мной. Когда он смотрит на меня, господи… Я не могу отвести от его лица взгляд, меня словно завораживают его пепельно-серые глаза. Я даже не догадывалась раньше о том, что к мужчине можно испытывать такие сильные чувства.

Утром, проходя мимо моего стола, он кивнул мне и улыбнулся. И мое сердце заколотилось так сильно.

Это похоже на безумие – каждый раз, когда я его вижу, у меня внутри все сжимается в один большой, пульсирующий ком… Я так боюсь его, что не могу свободно вдохнуть, пока он неподалеку. Но стоит ему уйти, и мне становится еще хуже.

Меня немного тревожит то, что он не стремится остаться со мной наедине и ни разу не пытался хотя бы поговорить. Если я ему безразлична… Черт, как же мне больно от одной этой мысли!

После его приезда в Норт Ривер я только и делаю, что таращусь на него и краснею, бормочу какой-то бред и глупо хихикаю. Должно быть, он решил, что я полная идиотка…

Наверное, мне стоит попытаться поговорить с ним завтра. Это будет ужасно сложно, ведь даже от мысли о том, что я буду стоять так близко к нему, меня начинает бить нервная дрожь… Но так больше продолжаться не может, я сойду

с ума, если ничего не сделаю!

* * *

Кажется, его на самом деле не заботит ничего, кроме работы. Он куда охотнее беседовал с Алексом Греем, чем со мной. И я давно не ощущала себя такой одинокой и разбитой. Мне стоило стольких сил просто подойти к нему и постараться ничем не выдавать свое волнение…

Я разглядывала его лицо, пока он пил кофе, односложно отвечая на мои вопросы и рассеянно улыбаясь. И я не заметила на нем никакого интереса. Я не понимаю… Я была уверена, что понравилась ему так же сильно, как и он мне. Но почему тогда он ведет себя… так?

Вечером, вернувшись с работы, я долго думала об этом и не находила себе места. Я решила поехать к нему и спросить его о том, что он чувствует. Я больше не могла оставаться с этими мыслями наедине и медленно сходить от них с ума.

Если бы я только знала. Господи, лучше бы я умерла по дороге…

Окно в его номере было незанавешенным. Я видела, как он кладет руки на обнаженные ягодицы девушки, стоящей спиной. Я видела, как он грубо наклоняет ее вперед, а затем…

Мне никогда еще не было так больно.

Даже не знаю, каким чудом мне удалось добраться до дома. Я почти ничего не видела перед собой от слез, наугад хватаясь за руль и сворачивая туда, где было больше света от уличных фонарей.

В конечном итоге, я оказалась у реки на Лэйк-Аллей. Я вышла из машины и только тогда заметила, что потеряла один ботинок. Моя ступня увязла в ледяных снежных комьях, и от этого я невольно начала приходить в себя.

Я стояла прямо на ледяной корке, поджидая, когда моя теплая подошва растопит ее, чтобы я могла уйти с головой в холодную воду. Но ничего не происходило. В конечном итоге, моя нога стала синеть и у нее пропала

чувствительность. Было так смешно идти на ней обратно к машине…

Потом я зачем-то поехала в больницу к своей матери. Обычно я приезжала к ней днем, потому что по ночам ей давали сильнодействующие обезболивающие, от которых она впадала в беспамятство.

В ее палате было темно и пахло лекарствами.

Я села на одинокий табурет, стоящий рядом, и посмотрела в ее лицо. Такое безжизненное, серое… Оно совсем не было похоже на то лицо, которое я помнила.

Как же болезнь уродует людей. Уродует не только тех, кто болен, но и тех, кто просто находится рядом.

– Мам, – я вытерла слезы и потрогала ее за плечо. – Ты спишь?

Она неподвижно лежала в больничной койке, даже не пошевелившись. Со всех сторон к ее венам тянулись трубки, и сейчас, в полутьме, она казалась каким-то иссушенным монстром с чернеющими провалами вместо глаз.

– Мам, – всхлипнула я. – Нам нужно поговорить…

Она вдруг тихо выдохнула, как будто внезапно ожила, и открыла глаза. Ее слабая, вымученная улыбка означала, что она видит меня и понимает, что я здесь.

– Мама, – повторила я, стараясь не разрыдаться. – Я очень, очень устала… Мам, я больше не могу так…

Я не смогла унять все еще клокочущий внутри моих ребер огонь, и закрыла лицо руками, громко заплакав.

Это было похоже на настоящее безумие – неужели в самом деле можно так сильно полюбить человека, едва узнав его? Но режущая боль внутри говорила, что ей нет никакого дела до логики. Я медленно горела заживо от разрастающейся агонии и не знала, как мне потушить это бушующее пламя.

– Я встретила мужчину, мам… Тебе не понять, но, знаешь, как только я его увидела, у меня внутри все как будто оборвалось. Такое чудесное ощущение, – тихо проговорила я, стараясь не смотреть на нее.

В моей памяти снова вспыхнули обрывки болезненно-острых воспоминаний: два голых тела, его руки, обнаженная спина неизвестной девушки…

Я замолчала на несколько минут, а затем попыталась взять верх над своей болью.

– Но все это теперь не имеет значения… Я видела, как он занимается сексом с другой. Видела, мам.

Она тихо простонала, не в силах утешить. Я заметила, как из ее мутного глаза выкатилась большая блестящая слеза. Она постаралась протянуть мне свою сухую ладонь, но у нее не хватило на это сил.

– Ты бы могла дать мне совет, если бы ты была в порядке. Ты могла бы меня защитить, – всхлипнула я громче. – Но теперь ты не можешь ничего. Ты лишь… ты только причиняешь мне боль, как и он.

Она едва заметно замотала головой, но я не обращала на это никакого внимания.

Поднявшись на ноги, я вытерла со своих щек ледяные капли и повернулась к койке спиной:

– Если ты любишь меня, если правда любишь, то ты сделаешь все, чтобы перестать мучить меня. Я больше не могу так жить, мама, я хочу уехать отсюда. Но ты… ты не живешь сама и не даешь жить мне!

Не знаю, что вынудило меня проехать снова мимо отеля по пути домой. Я ждала новой порции горящих стрел в свою истерзанную душу, но окно номера оказалось темным.

Они спали наверху, погасив свет. Я почти что видела, как он, притянув ее посильнее к себе и уложив ее голову на свою грудь, размеренно дышит.

Конечно, это просто мое воображение… Но какая теперь разница?

В этот самый момент впервые в жизни мне захотелось кого-нибудь убить. Сжечь этот город дотла. Наблюдать, как пламя сжирает дом за домом, понемногу пробираясь к ледяной реке.

Как Норт Ривер перестает существовать на карте…

* * *

Мне было тяжело ехать утром на работу.

Чтобы хотя бы немного унять неприятное волнение, мне пришлось выпить несколько чашек крепкого кофе. А потом я на всякий случай вынула из тумбы начатую бутылку рома и осушила ее парой глотков.

Я не могла нигде спрятаться от его пронзительных серых глаз – они преследовали меня везде, вспыхивая перед моим лицом. Выходя из дома и следуя к машине, я снова увидела их впереди, это больное, преследующее меня наваждение.

Не сумев справиться с чувствами, я схватила с земли обледеневший камень и бросила его туда, где еще секунду назад бледнело его призрачное лицо.

– Чтоб ты сдох! Чтоб ты сдох мучительно и медленно! Ненавижу, я ненавижу тебя!

Кажется, я всерьез вышла из себя, потому что через мгновение за соседним забором появилось взволнованное лицо миссис Уиллис. Она смотрела на меня с какой-то опаской, как будто не могла разглядеть во мне прежнего, хорошо знакомого ей человека.

– Кетти… Кетти… Милая, ты в порядке? Мне так жаль, солнышко, – она отворила калитку и подошла ко мне.

Откуда она может знать о том, что случилось вчера? Я не говорила об этом никому, кроме матери, а она не смогла бы поделиться этим с кем-то, даже если бы очень сильно захотела.

Я молча стояла, глядя на Мишель и ощущая себя растерянным, потерявшимся несчастным ребенком.

– Я думала, ты еще не знаешь… Твой телефон не работал, и они позвонили мне… Кетти, мне так жаль, – повторила она, а затем попыталась обнять меня, но я отступила назад.

– О чем вы говорите, Мишель?

– Твоя мама, Кетти, она умерла.

Мне показалось, что я с головой ушла в холодную воду.

В носоглотке появился привкус крови, и я почти ничего не слышала, кроме звенящего свиста внутри собственных ушей. Почти не понимая, что я делаю, я села в машину и выкрутила руль…

В больнице на меня отовсюду посыпались слова сожаления, едва я поднялась наверх, в палату матери. Ее там уже не было – застеленная новыми простынями больничная койка сияла девственной чистотой.

– Где она? – глухо спросила я.

Мне объяснили, что тело уже отвезли к Алексу, и что мне следует поехать в полицейский участок. Все следующие несколько часов моей жизни оказались смазаны в одну сплошную, запутанную колючую нить.

А вечером я оказалась в своем доме, совершенно одна. Я не нашла Флоббера и решила, что забыла запереть дверь. Но спустя несколько минут ко мне постучались – пришла миссис Уиллис. Она держала на руках спящего пса.

– Я знаю, что на тебя много всего навалилось, Кетти. Хочешь, я пока подержу щенка у себя?

Я молча кивнула.

Пусть Мишель забирает собаку, иначе и она по моей вине погибнет. Как погибли все, кого я когда-либо любила. В Норт Ривер об этом мало кто знал, а если и знал – то вряд ли придавал значение тому, что произошло несколько лет назад.

Мой отец страдал от рассеянного склероза – эта напасть свалилась на нашу семью как снег на голову. Уходя на работу, мама просила запирать его в комнате наверху, где он ничем не мог себе навредить. Мы так не хотели отвозить его в клинику…

Но однажды я так спешила в полицейский участок, что не проверила замок. В то утро я проспала и сильно опаздывала.

Так что я просто села в машину и уехала. А вечером я нашла отца на кухне – он залез в шкафчик с лекарствами и наглотался их, когда захотел есть.

Мама никогда не обвиняла меня в случившемся, но с тех пор это проклятие волочилось за мной повсюду.

Теперь я убила и свою мать. Алекс Грей сказал мне, что ближе к утру она сама отключила себя от аппарата искусственного жизнеобеспечения. Он сказал, что она умерла быстро и почти ничего не чувствовала. Конечно же, это была ложь.

Она чувствовала, чувствовала то же самое, что и я сейчас – ужасную боль. Она умирала одна, отвергнутая мной, прекрасно осознавая, что стала обузой для собственной дочери…

* * *

Я попросила Алекса никому не говорить о том, что случилось. Я знаю, он хороший парень и на него можно положиться… Вот почему наверху никто так и не узнал о том, что мне пришлось пережить вчера.

Я не хотела ничьей жалости, никакого сочувствия и слов утешения. Я их не заслужила. Моя больная, молниеносная любовь затмила мой разум, превратив в

чудовище.

Мне все еще казалось, что я нахожусь в каком-то кошмарном сне. Что все вокруг ненастоящее…

Когда я увидела его в холле, то не смогла сдержать эмоций. Я изо всех сил сжала ладони в кулаки и опустила голову в стол, чтобы не отвечать на его короткое приветствие, но молчание давалось мне с огромным трудом.

Когда мистер Косгроу вышел из-за своего стола и отправился к Алексу, я все же не сдержалась и произнесла:

– Хорошо провели ночь, мистер Миллер?

Он удивленно посмотрел на меня, оторвавшись от своих мыслей, как будто не замечал того, что я нахожусь в комнате.

– Что-то произошло, Кетти? – ответил он вопросом на вопрос.

– Нет, с чего вы взяли? – соврала я.

Он окатил меня пристальным взглядом, словно пытался оценить, лгу я ему или нет. А потом проговорил:

– Тебе лучше пойти домой и отдохнуть. Я думаю, Нейтон не станет возражать, если ты пару дней…

– У меня все в порядке, мистер Миллер, – грубо оборвала я его.

Он замешкался, как если бы мучительно раздумывал над тем, стоит ли ему говорить мне что-то или нет. Затем он громко выдохнул, поднял голову к потолку и произнес, не глядя на меня:

– Тебе не стоит себя винить, Кетти. Она любила тебя, несмотря ни на что.

Я вскочила из-за стола, чувствуя, как меня вновь душат слезы. Я больше не могла оставаться в участке…

Следующие несколько минут я провела в каком-то вязком тумане, плохо понимая, что вообще происходит вокруг и почти ничего не слыша. Покидая холл, я едва не столкнулась с мистером Косгроу, который с удивлением посмотрел мне вслед.

* * *

Весь следующий день я провела в баре у Хейли Тейлор.

Через несколько часов я была настолько пьяна, что едва стояла на ногах. Но ехать домой я не хотела, просто не могла… Поэтому я продолжила сидеть за барной стойкой, слушая одни и те же песни, бесконечно крутящиеся на старой пластинке.

– Выглядишь ужасно, – раздался голос за моей спиной.

Я обернулась и увидела Колина Фостера, примостившегося на соседнем табурете.

– Можешь пересесть, – равнодушно ответила я.

– Боже, ну и разит от тебя! Ты что, половину бара опустошила?

Колин всегда выглядел немного моложе своего возраста. Сейчас ему шел двадцать восьмой год, но со стороны он казался моим ровесником.

Хотя он на первый взгляд и производил впечатление завидной партии для такого места как Норт Ривер, его жуткий характер и пристрастие к алкоголю заставляли многих девушек проходить мимо него.

Сейчас я с удивлением отметила, что вблизи он оказался вполне привлекательным… Не знаю, может, это во мне говорили несколько стаканов рома, виски и текилы, но я в самом деле была поражена этим неожиданным

открытием.

– Отвали, Фостер. Найди другую жертву для своих идиотских шуток, – сказала я, потянувшись за очередным бокалом.

– Постой-ка. Если ты решила упиться до полусмерти, то тебе следует поучиться этому искусству у короля, – он шутливо выпятил грудь и ударил себя в нее кулаком. – Ты же знаешь, что лучше меня никто в Норт Ривер этого не делает.

– Я не хочу упиваться, Фостер, я хочу… Не знаю. Забыться…

– Понимаю, – протянул он вдруг гораздо тише. – Знаешь, когда мой старик умер, я не находил себе места. Начал много пить, чтобы не чувствовать свою вину.

– Вину за что?

– Ну, знаешь… – его лицо внезапно стало серьезным. – Я всегда мечтал свинтить отсюда как можно скорее. Бросить все, начать новую жизнь где-то далеко отсюда… Отец же всегда злился на меня за это. Его расстраивало то, что я не ценил дело всей его жизни. Он так мечтал, что я стану таким же, как и он сам. Так что… когда он умер, я просто не знал, что мне теперь делать…

– И что было потом?

Я с интересом смотрела на Колина. В эти мгновения в его лице сквозило что-то такое… Знакомое. На какие-то доли мгновения я увидела в нем отражение самой себя.

– Я все же решился и бросил все. Уехал отсюда…

– Но зачем же ты вернулся?

Он хмыкнул и опустошил свой бокал одним глотком, тут же щелчком пальцев попросив Хейли долить выпивки.

– Я вернулся, потому что везде одно и то же дерьмо. И еще потому, что от себя убежать невозможно. Когда я очутился далеко от Норт Ривер, я впервые

осознал, что я кровный ребенок этих чертовых земель. Понимаешь? Я просто не прижился нигде больше.

– И ты вернулся обратно, чтобы продолжить дело отца?

– Нет. Я вернулся, чтобы пропить все, что он заработал за свою жизнь, и пустить по ветру его добро.

– Но почему? – меня до глубины души поразили откровенные слова Колина, и я даже почти забыла о собственном горе.

– Да потому, что я до одури ненавижу это место. Я терпеть не могу и этот чертов ледяной город, и этих тупоголовых людей. Но это мой дом, и у меня просто нет выбора, – произнес он, а затем повернул ко мне голову и подмигнул. – Вот так все сложно.

– Ты мне совсем не помог, – разочарованно протянула я.

– Я и не собирался.

Я решила, что мне пора возвращаться домой. Но едва поднявшись на ноги, я тут же начала заваливаться на одну сторону, и, если бы Фостер вовремя не подхватил меня, я бы с размаху ударилась лицом о деревянные перила.

– Давай-ка я отвезу тебя домой.

– Ты же сам пьян в стельку!

– Да, но для меня это – нормальное состояние.

Он схватил меня под руку и стал тащить к выходу.

Перед моими глазами все закружилось в каком-то диком танце, и я почувствовала, как меня начинает тошнить. Словно предугадав мои мысли, Колин внезапно серьезно проговорил:

– Не вздумай блевать в моей машине, поняла, Робертсон? Не то высажу тебя посреди шоссе.

– Как ты добр, Фостер, – с трудом проговорила я.

Я уснула почти сразу, едва села к нему в машину. Колину пришлось постараться, чтобы растолкать меня, когда он подъехал к моему дому. Я открыла глаза и с ноющим сердцем увидела знакомую крышу. Теперь в доме нет даже Флоббера…

– Может, останешься на ночь?

Я сама не верила в то, что сейчас сказала, но я до ужаса не хотела сегодня оставаться в доме одна. Мне казалось, что я умру от горя и чувства вины еще до рассвета, а потом попаду на холодный металлический стол к Алексу Грею…

Колин выглядел опешившим. Наверное, в его глазах я до сих пор оставалась куклой-недотрогой, которую больше всего на свете заботило только то, как сделать свои кудри более пышными и блестящими. Обычно такие, как я держатся на расстоянии от таких, как он, и их пути никогда не пересекаются.

– Останусь, если ты не решишь на утро нажаловаться Косгроу. Черт знает, что у тебя там в голове…

Он вдруг с опаской покосился в мою сторону, и это меня не на шутку развеселило. Это так забавно, когда главный хулиган города побаивается хорошей маленькой девочки.

– Брось, Фостер, – поморщилась я. – Ты так говоришь, будто мы не знакомы сто лет.

– Мы живем сто лет в одном городе. Но это не означает, что мы хорошо знаем друг друга.

– Так ты идешь или нет?

Мне надоело стоять у крыльца.

От алкоголя, холода и всего пережитого меня мелко подергивало, и больше всего мне хотелось оказаться внутри теплого помещения, где не завывает ледяной ветер.

Я молча пошла вперед к двери, стараясь сохранять равновесие, и краем глаза с досадой заметила, что Колин развернулся и пошел к своей машине.

Я открыла дверь и вошла внутрь. В доме было так тихо, что эта тишина моментально зазвенела в моих ушах. Я уже собиралась закрыть за собой дверь, как вдруг она уперлась в невидимое препятствие.

– Ты вроде звала меня к себе, – глухо произнес Колин, убирая носок ботинка из дверной щели.

Не став раздеваться, я рухнула на диван. Фостер пропал из виду, после чего вновь появился в гостиной, на этот раз уже с бутылкой вина в руках.

– Не слишком ли много алкоголя для нас за сегодня?

– Это не для тебя, – он отпил прямо из горлышка. – Я до ужаса тебя боюсь, Робертсон. Ты всегда была немного чудаковатой, но теперь от тебя у меня просто волосы встают дыбом.

– Просто у тебя еще никогда не было такой красивой девушки.

Алкоголь творил со мной странные вещи. Я никогда не вела себя так развязно, как сейчас.

Вся моя застенчивость и страх куда-то испарились. Воспользовавшись этой минутой храбрости, я навалилась на сидящего рядом Фостера всем телом, после чего положила ему одну руку на колено.

Сперва он замер, а затем повернул ко мне лицо и тихо произнес:

– Какая же ты задница, Робертсон. Я с девятнадцати лет мечтал о тебе, но ты даже не смотрела в мою сторону. А теперь…

Он не успел договорить. Я схватила его за ворот флисовой рубашки и притянула к себе.

Он тут же вытянул руки и рывком пересадил меня к себе на колени. На его языке все еще оставался терпковатый вкус вина.

* * *

Впервые за долгое время у меня выдалось чудесное утро. Не смогла испортить его даже раздраженная ругань Колина, доносящаяся из гостиной.

– Если вы не можете выяснить, кто убил мою проклятую корову, то какого черта вы вообще делаете в полицейском участке? – кричал он кому-то.

Я оделась и спустилась вниз. Колин стоял возле кофейного столика, зажав телефонную трубку между плечом и ухом. Обе руки у него были заняты сегодняшней газетой, которую он раздраженно пролистывал.

– Возьми, это тебя, – внезапно произнес он, резко вытянув руку в мою сторону.

– Да?..

– Кетти! Кетти, ты в порядке? – на том конце провода я услышала взволнованный голос мистера Косгроу.

– Я… да, все хорошо…

– Какого черта этот олух делает у тебя дома? Кетти, если что-то не так, просто дай мне понять, и я тут же примчусь…

– Нет-нет, мистер Косгроу, я в порядке. Просто Колин… Он заглянул, чтобы… чтобы узнать, не выяснили ли мы ничего о его дохлой корове.

– Я так и понял, – протянул офицер. – Ты пропадаешь уже несколько дней кряду, и я начал волноваться. Позвонил тебе, а трубку снял Фостер… Черт, я уж было решил, что он совсем слетел с катушек и взял тебя в заложники из-за той

коровы. Будь она неладна!

В голосе мистера Косгроу прозвучали нотки облегчения.

Должно быть, он правда решил, что Колин пробрался ко мне в дом, и я нахожусь в опасности. Я попрощалась с офицером, положила трубку и повернулась к Фостеру:

– Когда ты уже сможешь забыть об этой туше?

– Забыть? – он выглядел раздосадованным. – Робертсон, неужели меня одного в этом городе волнует то, что произошло? Я вырос с отцом на ферме и прекрасно знаю, что поблизости нет хищников, которые способны сотворить такое с чертовым животным! Я просто хочу знать, какого дьявола происходит на моей земле.

– А как же волки? Разве они не могли напасть на твою корову?

– Волки не оставляют после себя туши, вывернутые наизнанку. Ты когда-нибудь видела волка, который сжирает внутренности, оставляя все мясо нетронутым?.. Ты вообще видела волка хотя бы раз?

– Нет, – спокойно ответила я. – Но я не могу понять, к чему ты клонишь и почему ты так встревожен.

– Я встревожен потому, что никогда прежде не видел того, что было в моем сарае. Никто не знает дикие места за рекой лучше меня, а я точно знаю, что ничто оттуда не способно растерзать тушу таким образом. Проклятье, Робертсон! Что-то происходит в Норт Ривер, но никто этого не замечает!

– Брось, Колин. Я уверена, что офицер Косгроу…

– Забудь об этих полицейских крысах, Робертсон, – перебил меня Колин. – Если я что и смог перенять от своего покойного отца, то это его охотничье чутье. Я чую опасность своей задницей. И сейчас моей заднице совсем неспокойно.

* * *

На следующий день я решила снова не ехать на работу.

Может, чертов детектив Миллер был прав, и мне действительно нужна была небольшая передышка. К тому же, уезжая, Колин позвал меня с собой на ферму, и я не нашла причин для того, чтобы отказаться. В Норт Ривер не так уж много развлечений, так что визит на земли Фостеров мог считаться настоящим приключением.

– Сперва я осмотрю сараи с молодыми коровами. Я много думал об этом, – произнес он, когда мы неспешно выехали из Норт Ривер на заснеженную дорогу.

– Много думал о молодых коровах?

– Хватит паясничать, Робертсон, – хмуро процедил он сквозь зубы. – Я понял, что этой твари, кем бы она ни была, интересны только молодые животные. Те, которые еще ни разу не рожали. Не зря ведь она пробралась именно к молодняку, хотя по пути со всех сторон предостаточно животных побольше и помясистее.

– Ох, Колин, да забудь ты уже об этом!

Он окатил меня укоризненным взглядом, как будто говорил с неразумным маленьким ребенком. Меня начинала раздражать его зацикленность на этом происшествии, так что я всерьез задумалась о том, стоило ли мне вообще ехать с ним на ферму.

– В этом все вы, – коротко бросил он.

– Мы?

– Да. Люди. Вы ни черта не умеете замечать очевидные вещи до тех пор, пока не станет слишком поздно.

– Хватит сгущать краски, Фостер. Это была одна-единственная корова, понимаешь? Иногда такое случается, мы здесь живем в милях от цивилизации. В

Норт Ривер и не такое можно увидеть.

– Я не успокоюсь, пока не выясню, кто распотрошил мою корову, – упрямо ответил он.

Колин остановил машину, вышел из нее, не закрывая двери, после чего распахнул деревянные ставни ограды, отсекающей его владения от окрестностей Норт Ривер. После этого он вернулся за руль и заехал внутрь.

Мы остановились у череды темнеющих посреди белоснежного поля сараев. Я осталась в машине, с тоской щелкая кнопки радио, по которому передавали местные новости.

Кто бы мог подумать, что первый парень в моей жизни окажется настоящим психом. Теперь он будет каждый день торчать в этих сараях, следя за своими коровами, пока окончательно не сойдет с ума.

Спустя несколько минут Фостер возник посреди дороги и ринулся к машине, на ходу распахнув багажник и вытащив из него обрез.

– Что ты делаешь? – воскликнула я.

– Выходи. Иди сюда, – прорычал он, резко открывая мою дверцу.

Я с опаской вышла из авто и посмотрела на него. Лицо Фостера искажал гнев, смешанный со страхом. Он явно был вне себя, и я не понимала, чего мне стоило от него ждать в этот момент.

– Всего лишь мои домыслы, – прокричал он так громко, что спугнул нескольких ворон, сидевших на голых ветках неподалеку.

Он тащил меня за руку куда-то вглубь своих земель, и я с трудом передвигалась по рыхлой заснеженной почве. Сейчас мне больше всего хотелось вырваться из его жилистых, крепких ладоней, развернуться и убежать прочь.

– Какой глупый Колин. Какой идиот, – продолжал выкрикивать он, подражая моему голосу, после чего рывком затащил меня в один из сараев, отпустил мою

ноющую от боли ладонь и дернул за свисающий с потолка шнур. – Смотри!

Я невольно вскрикнула.

Скрипучий дощатый пол под моими ногами оказался залит кровью. Коровьи туши были изуродованы до неузнаваемости, и все они были мертвы. Я в ужасе отступила к двери, прикрыв рот руками.

– Весь мой молодой скот перебит! В сарае остались только растерзанные туши. Скажи мне, Робертсон, теперь я могу начинать переживать и нервничать? А то я не слишком-то уверен! Может, мне стоит подождать, когда и меня самого выпотрошат как рождественскую утку?

Он не стал дожидаться ответа, зачем-то сунул мне в руки заряженный обрез и велел оставаться на месте, после чего ринулся к дому, чтобы вызвать полицейских.

Я осталась у входа в сарай, с внутренним содроганием рассматривая трупы животных… Даже подумать было страшно, что здесь происходило. Еще никогда прежде я не видела такой жестокости.

Глава 3. Дэниел Косгроу

Я копошился в бумагах на своем столе, когда в коридоре внезапно возникла тощая фигура Фрэнка. Оторвав взгляд от увесистых подшивок в белом переплете, я заметил его встревоженное лицо. Детектив подошел к столу, шумно выдохнул, а затем опустился в соседнее кресло.

– Что-то случилось? – поинтересовался я скорее из вежливости, чем из желания узнать причину подавленного состояния Фрэнка.

Я никак не мог отделаться от мысли, что присутствие этого человека в Норт Ривер казалось слишком неуместным. Фрэнк Миллер не вызывал у меня ни симпатии, ни желания сблизиться с ним. А еще я понимал, что так или иначе, но я обязан буду расспросить его о том, что он знает о неприятном инциденте на

ферме Фостера. Оттягивать этот разговор больше не стоило.

– Бет сегодня ночью не явилась в отель, – глухо произнес детектив, после чего окинул меня каким-то странным взглядом.

Я ощутил, как мое горло что-то неприятно сдавило внутри. Глупо было надеяться на то, что эта ужасная и глупая ситуация навсегда сотрется из моей памяти и больше никогда не восстанет из праха. Но я не думал, что Фрэнк будет так открыто упоминать об этом. По крайней мере, мне эту тему обсуждать с ним совсем не хотелось. Поэтому я благоразумно промолчал, вернувшись к своим бумажкам на столе.

– Я немного беспокоюсь, Косгроу, – вновь подал голос детектив. – Это на нее совсем не похоже. К тому же, мы договаривались встретиться сегодня ночью…

– Господи, Фрэнк! – воскликнул я, утирая взмокший лоб. – Тебе на самом деле нужно обсуждать такие вещи со мной?

– Мне кажется, что с ней что-то случилось.

– Только потому, что несчастная девочка не явилась к тебе в номер этой ночью, нельзя делать таких громких выводов, детектив! – резко возразил я, стараясь завершить кошмарный разговор. – Может, она наконец осознала, что ошиблась…

– Ты не понимаешь, – глаза Фрэнка снова сверкнули странным блеском. – Я могу чувствовать такие вещи.

– Серьезно? – я окатил его холодным взглядом. – Каким образом?

– Это… Я расскажу тебе об этом позже, – замялся он, после чего нервно прикусил нижнюю губу. – Давай просто убедимся, что с Бет все в порядке, ладно?

В его голосе сквозила откровенная мольба, и это заставило меня опешить уже по-настоящему. Разве не он сам так пренебрежительно высказывался о бедной девочке всего несколько дней назад? Тогда в его словах ничего не могло натолкнуть меня на мысли о том, что он способен беспокоиться о Беттани. Скорее, совсем наоборот.

– Почему тебя вообще так заботит Бет? Если я не ошибаюсь, тогда в отеле ты отзывался о ней не самым лучшим образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vind_kristian/nechto-iz-nort-river

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити